

Оглавление

Глава 1	3
Глава 2	30
Глава 3	54
Глава 4	74
Глава 5	93
Глава 6	113
Глава 7	133
Глава 8	153
Глава 9	174
Глава 10	197
Глава 11	218
Глава 12	241
Глава 13	270
Глава 14	293

Глава 1

Теперь я стара, и все вокруг выглядит иначе, нежели в дни моей юности. Прежде мы путешествовали в каретах, вмещавших в себя по шесть человек, и проделывали за два дня путь, который нынче преодолевают всего за пару часов: проносятся мимо на бешеной скорости с шумом и таким пронзительным свистом, что недолго и оглохнуть. Письма прежде приходили всего трижды в неделю, а в некоторых отдаленных уголках Шотландии, где мне приходилось жить в молодости, почту доставляли и того реже, раз в месяц, но зато это были письма так письма. Мы их чрезвычайно ценили, перечитывали и изучали, как книги. Нынче же почтовый дилижанс с грохотом прокатывается по улице дважды в день, доставляя коротенькие обрывочные записки без начала и конца, порой содержащие всего одно предложение, которое благовоспитанные люди сочли бы слишком отрывистым, чтобы произносить его вслух. Да-да-да! Возможно, все это перемены к лучшему, не спорю, но теперь вы уже не встретите такой дамы, какой была леди Ладлоу.

Я попробую вам о ней рассказать. Впрочем, это даже не рассказ, ибо у него нет ни начала, ни середины, ни конца.

Батюшка мой был бедным священником, обремененным многочисленным семейством. Про мою матушку говорили, что в ее жилах течет благородная кровь, и, когда ей хотелось напомнить об этом окружающим — преимущественно богатым фабрикантам-демократам, которые говорили только о свободе и Французской революции, — она надевала гофрированные манжеты, отороченные настоящим английским кружевом ручной работы (к слову сказать, не раз подвергавшимся штопке), коих нельзя было купить ни за какие деньги, ибо искусство плетения подобного кружева было утрачено много лет назад. По ее словам, эти манжеты свидетельствовали о том, что ее предки имели вес в обществе, в то время как деда богатеев, взиравших на нее сверху вниз, были никем, если, конечно, эти деда вообще существовали. Не знаю, замечал ли кто-нибудь за пределами нашего семейства существование этих манжет, но мы с детства приучились испытывать неподдельное чувство гордости, когда видели их на руках нашей матери, и держать головы высоко, как и надлежало потомкам леди, ставшей первой обладательницей этого кружева. Мой дражайший батюшка часто говаривал, что гордыня — великий грех. Впрочем, нам позволяли гордиться лишь манжетами нашей матушки, но она выглядела такой невинно-счастливой, когда их надевала — частень-

ко к поношенному и изрядно залатанному платью, бедняжка! — что я, даже несмотря на свой богатый жизненный опыт, по-прежнему считаю их благословением нашего семейства.

Вы можете подумать, будто я позабыла о леди Ладлоу. Вовсе нет. Дело в том, что и моя матушка, и леди Ладлоу имели общую прародительницу Урсулу Хэнбери, первую обладательницу бесценного кружева. Так уж вышло, что после смерти нашего несчастного батюшки моя мать совершенно растерялась: не в силах справиться со своими девятью детьми, отчаянно искала, кто вызвался бы оказать ей посильную помощь, и неожиданно получила письмо от леди Ладлоу, которая выразила желание оказать ей содействие и поддержку. Я как сейчас вижу это письмо — большой лист плотной желтой бумаги с оставленными на левой стороне прямыми широкими полями, испещренный ровными строчками. Благодаря изящному тонкому почерку оно содержало гораздо больше слов, нежели эти современные послания, написанные в размашистой мужеподобной манере. Письмо было запечатано гербовой печатью в форме ромба, поскольку леди Ладлоу овдовела. Мать указала нам на девиз «Foy et Loy» и на четыре составляющие герба рода Хэнбери и лишь после этого распечатала письмо. Мне кажется, она немного опасалась его содержания, поскольку, как я уже сказала, движимая трепетной любовью к своим осиротевшим детям, она отправила множество писем разным людям, у которых, по

правде говоря, не имела права требовать помощи, и их холодные, жестокие ответы не раз заставляли ее плакать, когда она думала, что ее никто не видит. Затрудняюсь сказать, встречалась ли она когда-нибудь с леди Ладлоу лично. Тогда я знала лишь, что это очень знатная дама, чья бабка приходилась сводной сестрой прабабушке моей матери, но ничего не могла сказать ни о ее характере, ни о материальном положении, и в этом отношении, как мне кажется, мало чем отличалась от собственной матери.

Я склонилась над матерью, чтобы прочитать письмо, которое начиналось словами: «Дорогая кузина Маргарет Доусон...» — и это тотчас же породило в моей душе искорку надежды. Далее она писала... постойте-ка, кажется, я помню содержание письма дословно:

«Дорогая кузина Маргарет Доусон, с огромным прискорбием узнала я о постигшей вас утрате, ибо мой покойный кузен Ричард всегда слыл добрым любящим мужем и всеми уважаемым священником».

— Вот! — воскликнула мать, ткнув пальцем в первый абзац. — Прочти это вслух малышам. Пусть знают, как далеко распространилась добрая слава об их отце и как хорошо отзываются о нем те, кого он никогда не видел. Кузен Ричард! Как славно написала о нем ее светлость. Продолжай, Маргарет! — Мать отерла глаза и приложила палец к губам, дабы успокоить мою младшую сестру Сесилию, которая, совершенно не осознавая важности письма, принялась болтать и шуметь.

— «Вы пишете, что остались одна с девятью детьми. У меня тоже было бы столько же, если б все мои дети выжили. Но остался один Рудольф — нынешний лорд Ладлоу. Он женат и большую часть времени проводит в Лондоне. Однако в моем доме в Коннингтоне проживают шесть благородных юных девиц, к которым я отношусь как к дочерям, разве что несколько ограничиваю в нарядах и пище, ибо излишества себе могут позволить юные леди более высокого происхождения, обладающие достаточным состоянием. Эти юные создания — все из хороших семей, но без средств к существованию — составляют мое повседневное общество, и я стараюсь выполнять свой христианский долг по отношению к ним. В мае прошлого года одна из девиц скончалась в отчем доме, куда поехала навестить родителей. Так не окажете ли вы мне любезность, позволив своей старшей дочери занять ее место в моем доме? Ей, по моим подсчетам, как раз исполнилось шестнадцать лет, и под моей крышей она найдет себе подруг примерно такого же возраста. Я сама покупаю своим юным воспитанницам платья и снабжаю их небольшим количеством карманных денег. У них не так уж много возможностей подыскать себе достойного супруга, поскольку Коннингтон находится на некотором отдалении от сколько-нибудь крупных городов. Местный священник — старый глухой вдовец, мой управляющий женат, а что до живущих по соседству фермеров, то они, конечно, не заслуживают

внимания благородных юных леди, пользующихся моим покровительством. Впрочем, если кто-то из девиц, поведением которой я довольна, все же желает выйти замуж, я устраиваю в ее честь свадебный обед и даю за ней приданое — одежду и постельное белье. Те же, кто останется со мной до моей смерти, будут упомянуты в завещании и получают небольшое наследство. Я оставляю за собой право оплачивать все дорожные расходы из собственного кармана, поскольку, с одной стороны, не слишком одобряю бесцельные поездки, а с другой — не желаю, чтобы длительное отсутствие ослабило связывающие нас семейные узы.

Если мое предложение придется по душе вам и вашей дочери — большей частью вам, поскольку я уверена, что ваша дочь воспитана должным образом и не осмелится перечить вашей воле, — дайте мне знать, дорогая кузина Маргарет Доусон, и я вышлю за вашей дочерью человека, который встретит ее в Кевистоке — ближайшем к вашему дому населенном пункте».

Моя мать взяла письмо и, уронив на колени, минуту сидела в молчании.

— Не знаю, что я буду без тебя делать, Маргарет.

Будучи юной и неопытной, я было обрадовалась возможности увидеть новые места и познать новую жизнь, но теперь, когда в глазах матери отразилась печаль, а малыши заплакали, не желая разлуки со мной, сказала:

— Мама, я никуда не поеду.

— Нет, тебе все-таки лучше поехать, — покачала головой мать. — Леди Ладлоу обладает властью и положением в обществе и сможет помочь твоим братьям, а посему негоже пренебрегать столь любезным предложением.

Хорошенько все обсудив, мы решили ответить согласием и были вознаграждены — ну или думали так тогда, ибо впоследствии, узнав леди Ладлоу получше, я поняла, что она все равно исполнила бы свой долг по отношению к нам, беспомощным родственникам, даже если бы мы не воспользовались ее добротой, устроив одного из моих братьев в привилегированную частную школу.

Вот так я и познакомилась с леди Ладлоу.

Я хорошо помню тот день, когда впервые въехала в ворота Хэнбери-Корта. Ее светлость послала за мной экипаж в ближайший город, где останавливалась почтовая карета. Конюх на постоялом дворе сказал, что обо мне справлялся старый грум из Хэнбери-Корта, если, конечно, мое имя мисс Доусон. Тогда в моей душе впервые шевельнулся страх, ибо, потеряв из виду своего провожатого, посланного матерью, я начала понимать, каково это — оказаться среди чужаков. Меня усадили в высокую двуколку с поднятым верхом, которую в те дни называли фаэтоном, и она медленно покатила по самой живописной сельской местности, какая когда-либо открывалась моему взору. Нам предстояло подняться по довольно крутому склону высокого холма, и кучер, спрыгнув со своего сиденья, пошел впереди,

взяв лошадь под уздцы. Я бы тоже с удовольствием прошла пешком, но не знала, какое расстояние смогу преодолеть, да к тому же не решалась попросить, чтобы мне помогли спуститься на землю. Наконец мы поднялись на самую вершину и оказались на обширном, продуваемом со всех сторон и ничем не огороженном участке земли, именовавшемся, как я впоследствии узнала, охотничьими угодьями. Кучер остановился, перевел дух, потрепал лошадь по холке и вновь забрался на сиденье рядом со мной.

— Хэнбери-Корт уже близко? — спросила я.

— Близко!.. Да господь с вами, мисс! До него еще целых десять миль.

Прервав таким образом молчание, мы завели оживленную беседу. Возницу звали Рендал, и, кажется, он попросту боялся заговорить со мной, как и я с ним, но быстро преодолел робость. Я позволила ему выбирать темы для разговора, хотя зачастую не могла понять его интереса к тому или иному предмету. Например, он более четверти часа рассказывал о весьма примечательной погоне, которую устроила ему более тридцати лет назад одна хитрая лиса, причем говорил о норах и тропах так, словно я знала их так же хорошо, как и он сам, хотя на протяжении всего повествования никак не могла взять в толк, о чем идет речь.

После того как охотничьи угодья остались позади, дорога ухудшилась. В наши дни трудно себе вообразить, что представляли собой проселочные дороги пятьдесят лет назад. Нам пришлось дол-

го трястись по бездорожью, изрытому глубокими, заполненными жидкой грязью колеями, и порой двуколку подбрасывало вверх с такой силой, что я вовсе не могла смотреть по сторонам, сосредоточившись лишь на том, чтобы удержаться на сиденье. Идти пешком тоже не представлялось возможным, поскольку дорога была покрыта слоем грязи, а мне совсем не хотелось предстать перед леди Ладлоу перепачканной с ног до головы. Однако едва лишь дорога закончилась и перед нами раскинулась поросшая травой равнина, я все же упросила Рендала помочь мне выбраться из двуколки. Сжалившись над своей взмыленной лошадей, утомленной борьбой с вязкой грязью, кучер любезно меня поблагодарил, а потом ловко спрыгнул на землю и помог спуститься мне.

Так постепенно мы добрались до низины, окаймленной с обеих сторон рядами высоких вязов и выглядевшей так, словно когда-то давным-давно на этом месте пролегла широкая аллея. Здесь было сумрачно, и лишь вдали виднелась полоска обогренимого закатом неба. Неожиданно мы очутились перед лестницей — довольно длинный ряд ступеней уходил вниз и терялся в тени.

— Если вы спуститесь здесь, мисс, я обеде с другой стороны и встречу вас внизу, где вам лучше вновь сесть в коляску. Миледи не понравится, если вы подойдете к дому пешком.

— Мы что, уже приехали? — почему-то испугалась я и в замешательстве остановилась.